

- Пастушья сумка вместе с белой рыбой на пару? Это что ещё за способ готовки? Точно не из наших краёв, — удивлялся Вэнь Ецай, глядя на блюдо.

Пока он пытался разобраться, в чём тут дело, Вэнь-эрню внесла ещё одну большую миску — обжаренный малантоу. Он тут же перехватил её, поставил на стол и мимоходом глянул на содержимое. Чеснок подгорел, а сам малантоу* стал вялым и перетушенным — вот это как раз и было настоящее лицо кулинарного мастерства его родной сестры.

(ПП: малантоу – растение калимерис, род астровых)

Судя по виду, Вэнь-эрню была весьма довольна своей белой рыбой: поставив второе блюдо, она тут же вернулась в комнату и с видом победителя заговорила:

— Это брат Юй рассказал, как её готовят! Ещё и стишок прочитал! Я попробовала — и правда ароматно вышло. Брат Юй, а как там в стихотворении-то было? Что-то... что-то... ай, ни слова не помню!

Юй Шанчжи, слушая её, сдержанно улыбнулся. Он нащупал на столе грубый глиняный чайник и налил Вэнь Ецаю воды. Двигался он уверенно и точно — рука твёрдая, почти ничего не пролил, лишь пара капель скатилась по краю.

С тех пор, как он однажды обмолвился, что нужно пить только кипячёную воду, Вэнь Ецай в лицо сказал, что тот излишне заботлив, но тайком вытащил из закров этот чайник и поставил его на стол. Он служил вроде бы как сосудом для охлаждённой воды — стоило захотеть пить, в нём всегда что-то было. А если хотелось тёплого, на маленькой глиняной печке в кухне, где варились травы, всегда стоял чайник с кипятком.

— Держи, — сказал Юй Шанчжи, придвинув кружку.

Вэнь Ецай взял и залпом выпил. И показалось ему, что даже вода, налитая этим человеком, на вкус слаще.

Юй Шанчжи, услышав, как тот жадно глотает, мягко продолжил, подхватывая слова Вэнь-эрню:

— Просто услышал, что брат Дашу принёс белую рыбу, и вспомнилось одно старое стихотворение. Там был упомянут этот способ приготовления. Сам как-то пробовал, вот и рассказал Эрню.

В это время Вэнь-санъя сидел в сторонке и пересчитывал палочки, как вдруг важно и чётко начал декламировать:

— Стишок, который упомянул брат Юй, звучит так: «На пару — душистая пастушья сумка и

жирная белая рыба; а холодные блины нежны с рубленой полынью однолетней*».

(ПП: из стихотворения «Весенние овощи» поэта династии Сун Су Ши)

Вэнь Ецай не поскупился на похвалу младшему брату, а Юй Шанчжи и сам не скрывал удивления. Он уже успел заметить, что Вэнь-санья — настоящий маленький вундеркинд: что бы он ни услышал, казалось, запоминал с первого раза. Если бы сейчас были времена императорских экзаменов, такое редкое умение, как слуховая память, могло бы и вправду помочь ему снискать себе имя и положение.

— Точно, точно, вот этот стишок! Кажется, даже способ приготовления весеннего блюда в каком-то ресторане, — оживлённо подтвердила Вэнь-эрню.

Когда она готовила это блюдо, Юй Шанчжи немало её наставлял, теперь она, воодушевлённая, рассказывала как знаток:

— Сперва кладёшь белую рыбу на пар, ничего не приправляешь, просто ждёшь, пока не начнёт закипать. Когда рыба почти готова, сверху посыпаешь мелко нарезанную пастушью сумку, а в самом конце поливаешь светлым соевым соусом — и всё!

— Ну что ж, тогда сегодня я и попробую, что ты там приготовила по заветам брата Юя, — с улыбкой сказал Вэнь Ецай.

Он чувствовал тихое удовлетворение — не ожидал, что Юй Шанчжи ещё и в кулинарии разбирается. Мужчин, умеющих готовить, вообще-то немного — в конце концов, крутиться у плиты для мужчины не слишком-то почётно. Разве что он сам — повар.

Сначала он положил Юй Шанчжи кусочек нежного брюшного мяса без костей, затем подцепил себе ещё один. Вэнь-эрню и Вэнь-санья тоже потянулись за палочками, с нетерпением пробуя блюдо, в которое было вложено столько надежд.

У белой рыбы и так костей немного, а если удалить явные, то мясо выходит особенно нежным. Взяв кусочек с крошками пастушьей сумки, Вэнь Ецай положил его в рот — и тут же чуть приоткрыл глаза от удивления.

— На вид — одно белое, другое зелёное, будто и вкуса нет, а на деле — неожиданно вкусно, — пробормотал он.

Мясо рыбы было сочным, со своим природным ароматом, а пастушья сумка добавляла хрустящую свежесть, лёгкий акцент соевого соуса придавал завершенность, не давая блюду скатиться в пресность. Это и впрямь оказалось сезонное, простое, но по-настоящему вкусное блюдо.

Все ели с удовольствием, а у ног стола уже устроились Даван и Эрван — две большие собаки, которые с голодными глазами следили за каждым движением над столом. Обе были хорошо выдрессированы: к еде на столе не лезли, но что до аппетита — тут уж инстинкты брали своё.

Вэнь Ецай по привычке разломил кукурузную лепёшку, обмакнул край в рыбный бульон и бросил по куску за порог, в сторону. Собаки тут же рванули каждая к своей части, схватили и, не разжёвывая, проглотили целиком.

Поллепешки для такой крупной собаки — разве что между зубов застрянет. Но Вэнь Ецай никогда своих псов не обижал: дома они каждый раз получали по меньшей мере кукурузную лепёшку, размешанную с остатками еды. А вот в горах — там корм был ещё богаче. Кролики, бамбуковые крысы, полёвки и прочая мелкая живность — если попадалось вдоволь, и после отбраковки оставалось и для семьи, и на продажу в город, то всё лишнее доставалось Давану и Эрвану как заслуженное угощение.

Если же с охотой не везло и поймать толком ничего не удавалось, Вэнь Ецай всё равно не забывал о них — уж двух птичек для подножного обеда им всегда находил.

Отец в своё время учил: охотничьи псы — не то же самое, что дворовые. Им нужно видеть кровь, есть мясо, иначе как сохранить боевой дух? Как иначе будет у них сила носиться по горам и преследовать зверя?

А в такие минуты, когда они подлизываются и кланчат, достаточно и того, чтобы просто дать попробовать на вкус.

Съев свою долю, Даван и Эрван ещё долго облизывались, но, поняв, что добавки не будет, быстро отказались от мысли попрошайничать. Даван лениво улёгся у порога, а Эрван остался рядом с Вэнь Ецаем и Юй Шанчжи, тихо лежал, положив морду на лапы.

Первым наелся Юй Шанчжи. Он отложил чашку с палочками, протянул руку и нащупал Эрвана. Тот уже был опытным в таких делах: только Юй Шанчжи вытянул руку, он сразу склонил голову и вложил морду прямо в ладонь. Юй Шанчжи на миг замер, чуть замедлившись, но затем, с лёгкой улыбкой, основательно потрепал Эрвана за уши.

Вэнь Ецай с интересом наблюдал со стороны, видя, как тот ластится — и невольно усмехнулся. Он, конечно, знал, что Эрван всегда был мягче и спокойнее, чем Даван, больше тянулся к людям и был не так насторожен. Но за три с лишним года, что он с ними живёт, Вэнь Ецай не припомнил, чтобы Эрван когда-либо был так ласков с кем-то, кроме самих троих из семьи.

А теперь — на тебе, Эрван даёт себя гладить Юй Шанчжи без малейших сомнений, ещё и хвостом метёт так, что за ним тянется след в воздухе. А в прошлый раз, припомнилось, он даже сам лизнул Юй Шанчжи в руку!

Может, и впрямь, как говорила Эрню, у Юй Шанчжи есть какая-то особенная способность — та

самая, что вызывает доверие без причины, просто... внушает надежность.

Как и в эту минуту: на нём простая холщовая одежда, он слеп, не видит света, но всё его общее достоинство, его сдержанная осанка — никак не вяжутся с обстановкой деревенского двора. С ним просто невозможно обращаться снисходительно.

В такие моменты Вэнь Ецаю начинало казаться, что Юй Шанчжи будто бы далёк от него, словно он и не должен был оказаться здесь. Он будто создан не для этих мест, а для жизни в роскошных особняках, в шелках и украшениях, с прислугой, что идёт за ним толпой, и жизнью, где каждый жест — в центре внимания.

Но стоило так подумать — Вэнь Ецай тут же осекался: да что он, зря себе голову морочит?

Человека выбрал он сам, сватовство тоже с его стороны. Он сам отдал сердце этому человеку — значит, как бы ни сложилось, должен беречь его, держать крепко, не дать ему уйти.

Только вот чего он не знал — это того, что у него свои счёты, а у Юй Шанчжи — свои.

Причём мысли у последнего были сложны и витиеваты, как девятимерный узел. Да и сам Вэнь Ецай всегда был прямолинеен: в душе у него всё как на ладони, и учиться копать в людских сердцах он не умел — да и не считал нужным. Сейчас, пожалуй, важнее было другое — то, что волновало любого деревенского жителя: затянувшийся, вызывающий то радость, то тревогу, мелкий, но не перестающий дождь.

«Если на весеннее равноденствие дождь, то всю весну дожди не унимаются» — так гласит народная поговорка. И действительно, после весеннего равноденствия снова пошли дожди. Земля напилась досыта, рисовая рассада рванула вверх, и теперь главное — следить, чтобы уровень воды на полях не поднялся слишком высоко, тогда проблем не возникнет.

Для посевов дожди — благо, но вот для охоты такая погода никуда не годится: даже на склонах у подножия гор сложно кого-то подстрелить, не говоря уже о том, чтобы уйти дальше. Зайцы, как ни крути, не глупы — кто ж станет бегать под дождём?

К тому же, после ливней тропы в горах становятся скользкими и опасными — легко оступиться, да и до беды недалеко. Уж уцелеть после укуса ядовитой змеи — это и так на грани чуда, нельзя же теперь полагаться на то, что раз в доме есть лекарь, можно не глядя лезть куда попало.

Так что вот уже почти десять дней в дом ни копейки не поступало, и если всё продолжится в том же духе — недалеко и до того, чтобы проесть всё, что есть.

Наконец, после затяжной череды дождей, выглянуло солнце — первый по-настоящему ясный день. Вэнь Ецай, не теряя ни минуты, взял с собой Давана и Эрвана и отправился в горы. К

концу дня он вернулся с несколькими дикими зайцами и бамбуковыми крысами. Та же волчья туша или, скажем, мунтжак — такое случается нечасто и скорее исключение из охотничьей жизни. Большую же часть времени охотники добывают в основном мелкую живность — таких, как эти.

Подумав, что в доме уже давно не было дичи, Вэнь Ецай решил оставить себе одну самую жирную и мясистую бамбуковую крысу — вечером приготовить её в соевом соусе, по-домашнему. Оставшиеся три зайца и две крысы, вместе с весенними побегами бамбука, свежей зеленью и травами, что он собирал в горах в последние дни, вполне могли принести на рынке несколько сотен монет.

Он уже наметил день, когда отправится в город. Неожиданно вечером, когда они вдвоём сидели, распаривая ноги, Юй Шанчжи вдруг сказал:

— А-Е, я хочу завтра поехать с тобой в город.

Вэнь Ецай в это время как раз проверял воду — дул и приподнимал ногу, опасаясь, что слишком горячо. Услышав эти слова, он рефлекторно бухнул ступнёй прямо в воду — и тут же громко заорал:

— С-с-с! Обжёгся! Горячо до смерти!

Раздался плюх, вода брызнула во все стороны, забрызгав пол.

Юй Шанчжи тут же нахмурился, насторожился:

— Неаккуратный ты какой... Дай посмотреть, не ошпарился ли? — с этими словами он уже хотел потянуться к ведру с бамбуковой ручкой. — Я сейчас налью тебе прохладной воды.

Вэнь Ецай перехватил его за рукав:

— Мы же оба ноги в одной воде парим, с чего бы мне ошпариться? Если бы вода и правда обжигала, ты бы уже сварился целиком.

Юй Шанчжи, услышав это, задумался — и вправду, вода у них была одинаковая, просто Вэнь Ецай оказался чуть более чувствительным. Что ж, выходит, это и правда тот случай, когда чем сильнее беспокоишься — тем сильнее путаешься.

Он замолчал на мгновение, обдумывая собственную догадку.

А Вэнь Ецай тем временем закинул ноги на края деревянного таза, глядя, как над водой клубится пар. Подумал, что в следующий раз не стоит геройствовать — лучше всё-таки

добавить ковш прохладной.

— С чего ты вдруг решил в город ехать? — сказал он вслух. — Туда-обратно два часа дороги — это не шутки. А как мы туда доберёмся, у меня там дел по горло, за тобой следить не смогу. Ушибешься, споткнёшься — и что тогда?

Сказав это, он повернул голову — и увидел, что лицо у Юй Шанчжи напряжённое, как будто сердце чем-то отягчено. Мимолётная тревога даже отразилась на его лице.

А Вэнь Ецай - человек прямой, если в голову пришло — сразу вслух говорит:

— Я вот смотрю, ты последние дни как будто и не такой бодрый, как раньше. Может, по ночам плохо спишь? Если тебе так нужно в город — ладно, поедем. Я завтра с утра сбегаю к брату Циншую из дома старосты, спрошу, не повезёт ли он овощи на рынок. Поедем с ним, у него воловья телега — хоть немного меньше тебе идти.

Услышав это, Юй Шанчжи понял, что Вэнь Ецай раскусил его настроение. В последние дни он и правда многое обдумывал. Живя под одной крышей с Вэнь Ецаем, он чувствовал, как между ними понемногу сокращается расстояние — они всё ближе, всё понятнее друг другу.

Раньше у него был вполне определённый план: выбрать подходящий момент, отправиться в город или даже в уезд, продать мускус, выручить за него серебро, вернуться, вернуть Вэнь Ецаю свадебный выкуп и, добавив к нему немного сверху — в качестве компенсации, — тем самым расторгнуть помолвку.

Но теперь он всё ближе к тому, чтобы предать эту твёрдую, когда-то столь чёткую решимость. Так уж устроен человек: когда мысли меняются, тут же находятся десятки оправданий, чтобы подкрепить перемену. То ли судьбой велено, то ли предначертано свыше — но, познав впервые вкус того, что зовётся «чувством», Юй Шанчжи понял, что, наверное, вот она — та самая тревожная, сладко-горькая неуверенность, которую это чувство несёт с собой.

Раз уж так, тем больше причин показать свою искренность.

Прошлая жизнь принадлежала прежнему хозяину тела. Тот мог позволить себе войти в чужой дом с пустыми руками. Но он — нет. Раз решил остаться и жить вместе — значит, должен тоже что-то внести. Хоть немного, но помочь в делах, внести вклад в общее хозяйство. У него за душой ничего нет, только врачебное искусство — и именно его он может предложить.

Даже если просто быть деревенским лекарем — и то потребует немало: инструменты, простейшие лекарства, сушёные травы, мази, настойки — всё это нужно, всё требует покупки, и перечень немаленький.

Однако Юй Шанчжи, быстро всё обдумав, решил: на первых порах стоит максимально

экономить. Например, он не собирался тратить на закупку большого количества трав. В это время года кое-что можно собрать в горах — если есть, значит, сам высушит и припасёт, если нет — значит, обойдутся.

В итоге выходит, что самое важное — приобрести полный и надёжный набор инструментов для приготовления и обработки лекарств. После таких покупок серебро наверняка ещё останется. Ведь рано или поздно им всё равно предстоит как следует оформить брак, и расходы на это немалые. Он, в таком случае, тоже вложится — не останется в стороне.

В конце концов, всё упирается в одно: есть деньги — нет беды.

И когда он окончательно принял это решение, словно камень с души свалился — впервые за долгое время Юй Шанчжи провёл ночь в спокойном сне.

Поэтому теперь, отвечая на вопрос Вэнь Ецая, лицо его было чуть расслабленной, брови разгладились.

— Я тут подумал, — спокойно начал он, — те травы, что я в прошлый раз собрал, уже все высушены и подготовлены. Можно бы и отвезти их в город продать. Но на днях вдруг вспомнил, как мой учитель всегда напоминал: рынок лекарственных трав меняется каждый день, и цены, что я помню по прошлому времени, могут уже не совпадать. Так что решил сам посмотреть. Заодно — чтобы ты не попался на уловки аптекарей, если кто решит сбить цену. Ну и познакомлюсь с местными лавками — всё равно в будущем придётся часто с ними иметь дело.

Очередное рассуждение — ясное, логичное, всё по полочкам — и Вэнь Ецай мгновенно сдался:

— Понял. Тогда и правда, стоит нам вдвоём идти.

Сначала он ещё колебался, волновался, но, решив, что пойдут вместе, и сам повеселел:

— Это ведь будет наш с тобой первый поход в город! Жаль только, что глаза у тебя ещё не восстановились. А то ведь Лянси — место шумное, людное, посмотреть там и вправду есть на что.

Юй Шанчжи любил, когда Вэнь Ецай говорил с ним в таком тоне — живо, с тёплой улыбкой в голосе. Такие слова напоминали ему ни к чему не привязанное, но удивительно подходящее выражение: блики света на воде, как золото на волнах. Мягкое рябь чувств, что дрожит внутри, когда в сердце рождается отклик.

— В город нам ещё не раз доведётся наведаться. Боюсь, тебе самому потом надоест — будешь проситься остаться, — сказал он.

Он не мог видеть, как у Вэнь Ецая при этих словах загорелись глаза, но услышал тихое, будто

самому себе:

— Точно... ведь впереди ещё целая жизнь.

Так дело и решилось. Погасив лампу, Вэнь Ецай, как обычно, ушёл спать в восточную комнату. А Юй Шанчжи, лёжа в темноте, нащупал рукой пустое место рядом и внезапно ясно вспомнил тот единственный вечер, когда они спали на одной постели — тепло тела рядом, ощущение присутствия.

Летом, наверное, так спать будет жарко.

А вот зимой... почти наверняка — очень, очень тепло.

*Белая рыба с пастушьей сумкой □□□□□□

<http://bllate.org/book/13600/1205934>